ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
г. МОСКВА

Встреча с интересным человеком

Народный артист РСФСР, один из ведущих мастеров Государственного академического Малого театра

Евгений Яковлевич ВЕСНИК

Есть актеры, при одном упоминании которых нас озаряет улыбка. Такова сила инерции. Мы привыкли видеть их в комедийных ролях и убеждены в том, что комедия — главная их стихия. Для Евгения Весника комедия — главная, но не единственная стихия. Иные его работы не умещаются в прокрустово ложе амплуа комика.

Около двухсот образов в театре, кино, на телевидении и радио создал актер — различных, непохожих, как люди на земле... И в каждом из них ему присуще органическое сочетание выразительной внешней формы с психологической правдой характера.

ЧУДО НА СЦЕНЕ

— Евгений Яковлевич, с чего началась ваша любовь к искусству? Как вы осознали свое призвание?

— Пожалуй, все началось с того момента, когда мне, маленькому мальчику, мама сказала, что птицы от счастья танцуют. Я стал присматриваться: как это они танцуют, как выражают свое счастье?.. И людей с тех пор стал внимательно разглядывать: как они проявляют свои чувства.

Так получилось, что, когда мне было лет девять, я выступал в Криворожском цирке с труппой эквилибристов на шарах и велосипедах. А еще в детстве мне частенько доводилось бывать с отцом за кулисами Днепропетровского театра. Я видел на сцене чудо, видел актеров, лицедеев, а в гримерных, в буфете после спектакля острили, спорили, целовались, плакали, пили водку, ели бутерброды люди совсем в общем-то обычные. Меня это поражало. В этот мир тянуло.

А свое призвание осознал, когда, читая книги, размышляя о прочитанном, почувствовал, что хочу передать другим возникший в моем представлении образ героя.

— Обычно на всю жизнь актеры сохраняют память о своих учителях. Кто вас в вашем деле «научил ходить»?

— Обстоятельный рассказ об этом человеке занял бы не один вечер. Я преклоняюсь перед его могучим талантом. Он привил мне вкус к образному мышлению, он дал мне понять, что в нашем деле все решает фантазия, что на сцену нельзя выходить, не имея решения в каждой фразе... Это народный артист СССР, многократный лауреат Государственных премий Алексей Денисович Дикий.

— В чем чудо театра, его магия?

— В непосредственном воздействии на зрительный зал, сиюминутности происходящего на сцене. В честном и смелом разговоре на актуальные темы. И мне кажется, что сейчас новая волна тяги в театр имеет прямое отношение к неудачам на телевидении, к малому количеству интересных художественных фильмов, где снимаются одни и те же актеры, которые при всем при том еще и повторяются в каждой роли...

А если конкретно говорить о чуде, то здесь хочется вспомнить недавно увиденное и услышанное на спектакле «Тринадцатый председатель» в Театре имени Вахтангова. Кончается спектакль тем, что суд удаляется в совещательную комнату. Присутствующие в зрительном зале и действующие лица в молчании ожидают приговора суда. Вот-вот должна решиться судьба бывшего председателя колхоза Сагадеева — человека, который из огромной любви к людям, во имя благополучия своих колхозников взял на себя вину — нарушил закон. И вот в эти напряженные минуты вдруг кто-то из зрителей выкрикнул: «Свободу Сагадееву!». Вот это чудо, которое называется сопереживанием зрительного зала.

— Что для вас как актера самое дорогое?

— Удача в роли. Хороший партнер. Партнерство — истинный дар. Очень важно в импровизации, к которой я тяготею, опираться на чуткого и гибкого партнера, готового подхватить, развить, приумножить новое, родившееся вдруг, внезапно и делающее спектакль радостным событием в жизни артистов и зрителей.

— Евгений Яковлевич, с каким чувством вы выходите на сцену?

— Я понимаю, что каждый вечер, играя десятки, сотни раз одну и ту же роль, нужно уметь быть разным, неповторимым. Тут помогает импровизация. Это тот самый драгоценный дар, который позволяет, не прибегая к дешевому лицедейству, упорно из вечера в вечер вести психологическую разведку боем.

Я с почтением отношусь к зрителям, плохого зрителя не бывает. Если ты не смог взбудоражить его, если он остался равнодушным — значит, ты проиграл бой, потерпел поражение в этот вечер.

— Давно идет спор о творчестве актера: нужно ли ему на сцене «быть» или «казаться»? Что вы думаете по этому поводу?

— Моя позиция в этом споре: чем искуснее «казаться», тем убедительнее «быть»!

— Как вы относитесь к критике в свой адрес?

— Раздражительно, если критика непрофессиональная. Если же рецензия решена, предположим, по линии хорошего анализа, написана с добрым сердцем, с явным желанием подсказать что-то мне, другим исполнителям, постановщику, то принимаю ее с чувством благодарности и огромного уважения.

— В последнее время в Малом театре вы поставили один за другим два спектакля. Я говорю о «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина и «Проделках Скапена» Мольера. Что привлекает вас в режиссуре?

— Жгучее желание трактовать по-своему то или иное литературное произведение. Режиссурой я занимался еще со студенческой скамьи. Когда окончил Театральное училище имени Щепкина, в моей характеристике было записано: «Склонен к режиссуре». Стремление к режиссуре, впрочем, зародилось еще раньше: когда я учился в школе. В школьном драмкружке я поставил «Принцессу Турандот». Как-то на спектакле побывали Рубен Николаевич Симонов и Николай Павлович Охлопков. Тогда меня впервые похвалили. Понимаете, как это было важно для самоутверждения?

Сейчас мечтаю поставить четвертый, пятый... спектакль. Но это так же трудно, как и помолодеть.

— Что вы скажете о творческой молодежи? Не кажется ли вам, что среди наших молодых актеров куда меньше ярких индивидуальностей, чем раньше?

— Наоборот, сейчас ярких индивидуальностей, если иметь в виду человеческий индивидуум, его интеллект, его взгляды на жизнь, его жадность до проникновения в истину, куда больше...

Сейчас очень много интересной актерской молодежи. А вот пьес хороших не хватает, не хватает драматургов, которые выписывали бы такие полнокровные образы, чтобы актеры росли на них. Что такое артист, что такое индивидуальность без роли? Ничто! А многие пьесы крутятся вокруг маленьких, подчас ничтожных проблем, которые не дают человеку выразить свой темперамент, свое понимание жизни, свое отношение к ней, свою гражданскую суть.

— Теперь хотелось бы узнать: чего вы больше всего не терпите в людях?

— Малодушия, жадности, отсутствия чувства юмора и особенно лжи. Если я одно из этих качеств открываю в человеке, он становится мне чужим.

— Есть у вас мечта?

— Мечтаю о совершенствовании театрального дела, о плановости жизни артиста в театре. Мы должны знать, какие роли нам предстоит сыграть в будущем сезоне, через два года... Мы могли бы тогда готовиться к работе, занялись бы изучением нужной эпохи, распределили бы свои походы в библиотеку, подтянули бы животы или наоборот. Сейчас плановости актерского дела нет. Это очень плохо.

— Евгений Яковлевич, многие наслышаны о вашей записной книжке, куда вы записываете все смешные случаи, с вами приключившиеся. Пожалуйста, расскажите нашим читателям какой-нибудь случай.

— Было так... Меня, студента первого курса театрального училища, пригласили участвовать в массовой сцене в спектакле «Горе от ума». На балу у Фамусова я должен был изображать молоденького офицерика, который выходит на сцену, щелкает каблуками и затем, пока не дадут занавес, стоит возле колонны безмолвный.

На первом спектакле я честно выполнил все указания режиссера, встал на свое место. И в это время два молодых актера, как они потом объяснили, решили проверить мою профессиональную состоятельность: выдержу ли я серьез при розыгрыше, не выйду ли из образа? Они подошли ко мне и шепотом спросили: «Вы Чацкий?».

Чего мне стоило не рассмеяться! Я, еле-еле сдерживая смех, прошел мимо колонны за кулисы и там уж нахохотался вдоволь. Потом опомнился, ну, думаю, будет скандал, из училища выгонят!

В антракте подходит ко мне режиссер и говорит: «Замечательно! Слушайте, великолепно, что вы ушли. Очень статуарная мизансцена, с вашим уходом создается какое-то движение... Молодец, так каждый раз и делайте!».

— Евгений Яковлевич, вы получаете письма от зрителей?

— Писем много, и особенно от молодежи. Спрашивают, как стать актером, что читать, на какие спектакли ходить, как я стал артистом... Особенно интересны мне письма, которые заставляют задуматься над вопросами собственного творчества или искусства в целом, взглянуть серьезнее на то, мимо чего порой в спешке пробегал. Письма от зрителей — «обратная связь», и она мне ценна, ведь и работаю-то я ради того, чтобы найти отклик в чьей-либо душе.

— В свободную минуту, час, день чем вы занимаетесь?

— Как все люди, читаю, люблю дружеские беседы за столом. А хобби — природа, рыбалка. Все как у всех. Короче говоря, люблю жизнь!

— Что пожелаете читателям «Ленинского знамени»?

— Получать удовольствие от своей работы, чтобы она была в радость, а не в тягость.

— Спасибо вам большое, Евгений Яковлевич, за беседу.

— Не знаю, сумел ли я вам рассказать о главном. Получилось как-то обо всем сразу. Но ведь это «все» и есть жизнь.

Беседу вел
С. ИВАНОВ.